

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Музей-квартира А. А. Блока
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Центр исследований Вячеслава Иванова в Риме

ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА
И КУЛЬТУРА
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Санкт-Петербург
2006

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ — БОРИС ЗАЙЦЕВ — ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ

(Из архивных разысканий)

В одном из выпусков «Нового литературного обозрения», посвященном Вячеславу Иванову, была помещена небольшая публикация Ж. Шерона «Письмо В. И. Иванова Б. Зайцеву о смерти Г. Чулкова»¹. О существовании этого письма от 28 марта 1939 года и его местонахождении сообщил сам Зайцев в мемуарном очерке «Вячеслав Иванов» (1963). Вспоминая о важнейшем для него в юности знакомстве с «мэтром», «водителем» и «учителем», о незабываемом общении с ним вплоть до отъезда Ивановых в Баку, а затем в Италию, Зайцев писал: «Тут долгое время никакой у меня связи с ним не было. Только раз, в тридцатых годах, я послал ему свою книжечку “Валаам”. Его ответное письмо покоится теперь в Архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке»².

Несколько лет назад, во время работы в Риме над описанием архива Вячеслава Иванова, мне попала эта книжечка, изданная в Таллинне в 1936 году, с надписью на титульном листе: «Вячеславу Иванову, прекрасному поэту, дружески и почтительно Бор. Зайцев. 9 янв. 1939. Париж». «Вы несказанно тронули меня Вашей верною памятью, дружескою вестью после долгих лет разлуки, Вашей чудесною, родниковою книжкой и милым, братским письмом о прошлом и заветном», — отвечал Вячеслав Иванов. В Римском архиве среди обширной переписки поэта хранится и письмо Бориса Зайцева («о прошлом и заветном»:

«110, rue Thiers,
Boulogne 5/5
(France).
9 янв<аря>
1939

Дорогой Вячеслав Иванович, давно собираюсь Вам написать, а вот только теперь собрался — подтолкнул меня сон: третьего дня видел Вас во сне — хорошо видел, более молодым, чем Вы теперь, бодрым и живым.

¹ Новое литературное обозрение. 1994. № 10. Сер. историко-литературная. Вып. 1. Вячеслав Иванов. Материалы и публикации. С. 289–291.

² Зайцев Б. К. Далекое // Зайцев Б. К. Собр. соч. / Сост., вступ. статья и примеч. Т. Ф. Прокопова. М., 1999. Т. 6 (доп.). С. 193.

Мы не видались с Вами более 15-ти лет! Но в последние годы до меня доходят о Вас некоторые вести от «наших», побывавших в Риме, — Бунина³, Алданова⁴... Доходит и звук поэзии Вашей — из «Современных» Записок — это для меня всегда радость. Я о Вас иногда думаю. Вспоминаю, например, один вечер в 1905 г., когда Вы с супругой зашли ко мне в Спасо-Песковский — я тогда был студентом, только начинал писать, робел перед Вами... но мы сидели долго, разговаривали, Вы все расспрашивали меня о только что вышедшем в «Вопросах Жизни» рассказике моем «Священник Кронид»⁵. (Почему я назвал его Кронидом? — И я не мог объяснить)⁶. — Потом Петербург, Ваша башня... Потом опять Москва, революция, Евдокия Ивановна, «Рафаэль» в ее саду⁷... В общем, Вы в моей жизни (не личной, а литературной) занимали довольно большое место, и почетное. Часто мечтаю попасть в Италию (последний раз был там в 1923 г., тотчас по выезде из России)⁸, — тогда пошел бы и к Вам, паломником. Думаю, очень бы опять взволновался.

А сейчас, пока, посылаю Вам книжечку свою «Валаам» — в 1935 г. мне и Вере Алексеевне⁹ удалось побывать в Финляндии, разумеется, съездили и на Валаам. Охотно послал бы Вам «Афон» и «Путешествие Глеба», «Анну», — но это все надо покупать, а «Валаам» дома есть¹⁰.

Живем мы с Верой больше чудом, я считаю, пока Господь грехам терпит и не доводит до крайности: над очередным обрывом появляется Рука, поддерживает.

³ О кратком визите И. А. Бунина к Вяч. Иванову осенью 1936 г. см.: *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подг. текста и коммент. Дж. Мальмстада. М., 1992. С. 251–252. — В Римском архиве Иванова (в дальнейшем: РАИ) находятся 3 письма к нему Бунина 1932–1937 гг. (РАИ. Оп. 3. № 21), а в Русском Архиве библиотеки университета в Лидсе — 2 письма Иванова к Бунину за 1937 г. и визитная карточка с планом местонахождения его дома в Риме.

⁴ 14 июня 1936 г. Марк Алданов (наст. фам. Ландау Марк Александрович, 1886–1957) писал из Парижа А. В. Амфитеатрову: «Очень мне хочется съездить в Италию. <...> Я в Риме не был двадцать лет. <...> Подбавал я и Бунина <...>. Я хотел бы жить в Остии, а раза три в неделю ездить на весь день в Рим. <...> Мечтает об Италии и Зайцев» («Парижский философ из русских евреев»: Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову / Публ. Э. Гаретто и А. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1997. Кн. 22. С. 602). Поездка Алданова в Италию состоялась позднее. По возвращении в Париж он писал Иванову 29 сентября 1938 г.: «После Рима мы с Татьяной Марковной еще побывали в Венеции и Флоренции. <...> Т<атьяна> М<арковна> и я еще раз искренно благодарим Вас, Ольгу Александровну и Лидию Вячеславовну за любезный прием. Когда-то опять увидимся?» (РАИ. Оп. 3. № 1. Л. 1). Помимо перечисленных в письме (из близкого окружения Зайцева) летом 1936 и 1937 гг. Иванова посетили Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус (*Иванова Л.* Воспоминания. С. 241).

⁵ *Зайцев Б. К.* Священник Кронид // Вопросы жизни. СПб., 1905. № 8. С. 1–11.

⁶ Убедительное толкование имени священника см.: *Иезутова Л.* В мире Бориса Зайцева // Зайцев Б. Земная печаль: Из шести книг. Л., 1990. С. 9.

⁷ Евдокия Ивановна Лосева (урожд. Чижова, 1881–1936). Рассказ Б. Зайцева «Рафаэль» впервые опубликован в альманахе «Литературная мысль» (Пг., 1922. № 1). Начиная с 1923 г. неоднократно перепечатывался в парижских изданиях, в том числе и в «Современных записках».

⁸ См.: *Козлова Н. П.* Италия в судьбе и творчестве Бориса Зайцева. М., 1998.

⁹ Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова, 1878–1965) — жена Бориса Зайцева.

¹⁰ Б. Зайцев перечисляет свои произведения: книгу путевых очерков «Афон» (Париж, 1928), роман «Путешествие Глеба» (см. о нем далее), повесть «Анна» (Современные записки. 1928. № 36. С. 35–38; отд. изд.: Париж, 1929).

Я и жена шлем Вам самые добрые наши чувства, пожелания, одним словом, с гие Thiers идут к Вам наилучшие радио¹¹.

О “наших” что сказать: Бальмонт под Парижем, в душевном мраке и бездействии¹², Мережковский маленький, сухенький, но «на посту», трудится и достойно пишет. Бердяев часто хворает, но тоже держится. Умер Шестов — мы его хоронили на кладбище совсем близко от нас¹³.

И еще потеря: нынче письмо из Москвы — скончался Георгий Чулков. Это друг моей молодости. Мне очень грустно. Умер он в 2 ч. дня 1-го января, от обострения туберкулеза. Летом ездил с Надеждой Григорьевной на Кавказ, очень там поправился, вернулся веселый, — но не выдержал осени (зимы? Там ведь были ужасающие морозы!)¹⁴.

Вот, дорогой Вячеслав Иванович, кончаю горестно, не взыщите. Но и Вы ведь «Зорью»¹⁵ хорошо знали, и, помнится, хорошо к нему относились.

Если соберетесь написать мне о себе несколько строк, буду очень рад. Повторяю: у меня большая надежда повидать Вас в Риме (но **материальных** к тому оснований — никаких).

Всего лучшего. Ваш душевно

Борис Зайцев»¹⁶.

¹¹ От фр. radio — излучение.

¹² С января 1937 г. Бальмонт жил под Парижем, в Нуази-ле-Гран. Сначала в Русском доме — общежитии для бедных русских эмигрантов, организованном Матерью Марией (Е. Ю. Кузьмина-Караваева), а осенью 1938 г. нанял неподалеку квартиру. Страдал многими недугами, в том числе нервно-психического характера. О последних годах жизни поэта Зайцев писал в очерке «Бальмонт»: «Он горестно угасал и скончался в 1942 году под Парижем в местечке Noisy-le-Grand, в бедности и заброшенности, после долгого пребывания в клинике, откуда вышел уже полуживым» (Зайцев Б. К. Далекое. С. 188). Из старых друзей-писателей лишь Б. Зайцев и Ю. К. Балтрушайтис провозжали Бальмонта в последний путь, а затем позаботились о памятнике на его могиле. Подробнее см.: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* «Поэт с утренной душой»: жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М., 2003. С. 423–426.

¹³ Лев Шестов (псевд. Льва Исааковича Шварцмана, 1866–1938) скончался в парижской клинике Буало 20 ноября 1938 г. от тяжелого бронхита. Похоронен на Новом кладбище в Булони. В письме к Бунину от 20 июня 1939 г. о недавних похоронах В. Ф. Ходасевича Зайцев с горечью заметил: «Вообще это кладбище Thiers становится каким-то некрополем близких: Барановская, Шестов, Ходасевич...» (Зайцев Б. К. Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников / Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов // Зайцев Б. К. Собр. соч. М., 2001. Т. 11 (доп.). С. 105). Иванов писал Зайцеву: «С покойным Шестовым мы раз обменялись письмами, он стал мне с годами очень дорогим» (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 290). В РАИ находятся два письма Л. Шестова к Иванову: 1925 и 1936 гг. (РАИ. Оп. 3. № 180).

¹⁴ Весной 1938 г. Георгий Иванович Чулков (1879–1939) безуспешно пытался облегчить тяжелейшие легочные болезни в Крыму, а летом в горах Кавказа. Одно из объяснений причин своей болезни он оставил в последней дневниковой записи, от 9 сентября 1938 г.: «Мне кажется, что физические недуги имеют свое соответствие с нравственным состоянием человека. Я задыхаюсь, как под колпаком, откуда выкачали воздух. Кислорода нет» (Чулков, Георгий. Откровенные мысли / Предисл., публ. и коммент. Н. Ю. Грякаловой // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 485).

¹⁵ Так иногда называли Г. И. Чулкова в дружеском и семейном кругу. Так к нему обращался во многих письмах Зайцев.

¹⁶ РАИ. Оп. 3. № 61. Л. 1–3. Пользуюсь случаем поблагодарить Д. В. Иванова (вечная ему память!) и А. Б. Шишкина за возможность публикации из РАИ.

Наполненное грустью и ностальгическими воспоминаниями дружеское послание Бориса Зайцева позднее отзовется в его мемуарах. Он подробно опишет московскую встречу с Ивановым в 1905 году, не обойдет вниманием и другое памятное для него событие:

«Не могу тут не вспомнить чтения “Рафаэля” — в саду особняка покойной Е. И. Лосевой, собиравшей вокруг себя поэтов, художников, писателей. Был удивительный майский день 1919 года. Я читал за столом, вынесенном из дома под зеленую сень, в золоте солнца, в оазисе среди полуразрушенной и полуголодной Москвы, в остатке еще человеческой жизни, среди десятка людей элиты — слушателями были, кроме хозяйки, Вячеслав Иванов, Бердяев, Георгий Чулков»¹⁷.

Несмотря на сердечный тон писем, переписка, судя по всему, не имела продолжения¹⁸. Отношения двух писателей не были особенно близкими, жизненные обстоятельства мало этому способствовали. Однако Борис Зайцев, как и многие, попавшие в плен необыкновенной личности Вячеслава Иванова, навсегда сохранил убеждение в том, что именно он «оставил самый большой след, “учительный”», «у него собирались по средам, это называлось “на Башне” — он высоко жил (как и высоко мыслил), где-то в поднебесье». Зайцев всегда ощущал существующую между ними не только возрастную (15 лет) дистанцию. И спустя много лет намного переживший «мэтра», Зайцев признавался: «Вячеслава Иванова изнутри узнать трудно, я и не берусь»¹⁹.

Если Иванов осознанно «вернулся» в Рим в 1924 году, органично вписался в итальянскую и европейскую культуру (контакты с оставшимися в России носили эпизодический характер), то Зайцев, эмигрировав в 1922 году, с напряженным вниманием, выжиданием, неприятием и одновременно ностальгией и тоской всей душой был обращен к Родине. Этому способствовал и круг общения: в Париже, где он обосновался, русская эмигрантская диаспора была наиболее многочисленна. Тоска по оставленной родине незажившей раной отражалась в творчестве большинства писателей-изгнанников до конца их жизни. Зайцев с самого начала активно и плодотворно сотрудничал в изданиях русской эмиграции. Для Иванова же, связанного обещанием «командировавшей» и субсидировавшей его стране, первым зарубежным периодическим изданием

¹⁷ Зайцев Б. К. О себе // Зайцев Б. К. Собр. соч. М., 1999. Т. 4. С. 590. — На одном из разрозненных листов в архиве Вяч. Иванова в РО ИРЛИ имеется запись: «Евдокия Ивановна Лосева. Смоленский бульв., собств. д.» (Ф. 607. № 355. Л. 19 об.).

¹⁸ Исключение составляет короткое письмо от 3 июня 1939 г.: «Дорогой Вячеслав Иванович, письмо это передаст Вам моя дочь, Наташа Соллогуб. Она в Риме с мужем, ненадолго. Посылаю с ней самый сердечный привет Вам — Вера тоже кланяется. Буду очень признателен, если дадите ей какие-нибудь указания насчет Рима, окрестностей, вообще, если можете лучше узнать город. Давно сам собираюсь в Италию, да пока все не выходит. Так что Наташе сейчас завидую. Всего лучшего! Заранее благодарю, искренно Ваш Бор<ис> Зайцев». (РАИ. Оп. 3. № 61. Л. 5–6). Дочь Б. К. Зайцева, Наталья Борисовна Зайцева-Соллогуб (род. 14/27. 08. 1912), автор книги об отце «Я вспоминаю...»: Устные рассказы (М., 1998); ее муж, Андрей Владимирович Соллогуб (1906–1996), юрист, директор английского банка во Франции. 20 июня 1939 г. Зайцев писал Бунину: «Наташенька сейчас в Риме» (Зайцев Б. К. Собр. соч. Т. 11 (доп.). С. 106).

¹⁹ Зайцев Б. К. Молодость — Россия // Зайцев Б. К. Собр. соч. М., 2000. Т. 9 (доп.). С. 14–15.

на русском языке, в котором с 1936 года он начал печататься, стали парижские «Современные записки». Комплект журнала с владельческими надписями и пометами Иванова находится в его римской библиотеке. Именно в этом издании, где с 1923 по 1940 год Зайцев был постоянным автором, произошла своеобразная творческая «встреча» писателей: во всех четырех номерах журнала, где по частям печатался роман Зайцева «Путешествие Глеба», помещены и произведения Вяч. Иванова²⁰. «Из Ваших работ новых знаю не много: после жития преп. Сергия только отрывки из Вашего “Глеба” — мало, что до нас, в Рим, доходит», — писал Иванов²¹. В его римской библиотеке оказалась и книга Бориса Зайцева, подаренная автором их общему другу, — «Преподобный Сергей Радонежский» (Paris: Y. M. C. A. — PRESS, 1925), с надписью на шмуцтитуле: «Дорогому Пате. Борис. 24 марта 1925». Патеи называли с юности в дружеском кругу известного искусствоведа и писателя Павла Павловича Муратова, автора «Образов Италии» (1911–1923), деятельного члена московской группы «Студио италяно» (1918–1922), в которую входил и Борис Зайцев. Как известно, Зайцев после первого посещения Флоренции в 1904 году на всю жизнь приобрел «болезнь, называемую любовью к Италии». Он считал эту страну своей второй духовной родиной, где неоднократно бывал вплоть до 1923 года, много писал о ней, переводил Данте. Заветная мечта Зайцева вновь побывать в Италии, а также «паломником» прийти к Иванову осуществилась лишь незадолго до кончины последнего — летом 1949 года. Зайцев не преминул заметить, что «мэтр» по-прежнему «жил высоко», только Башню с видом на Таврический сад заменил один из семи римских холмов — Аверини, а ко все еще значительной внешности добавился «поздний Тютчев». Это было краткое прощание навсегда²².

Вернемся к интересующему нас эпистолярному диалогу писателей начала 1939 года.

В ответном письме к Зайцеву Иванов живо отзывается на упоминания общих друзей и знакомых: Мережковских, Шестова, Лусевой. Однако наиболее сильное впечатление произвела на адресата весть о кончине их общего друга Георгия Чулкова.

Чулков и Зайцев сблизились еще в 1900-е годы — период их творческого становления. Их многое объединяло, в том числе — общий писательский круг, нередко — сотрудничество в одних и тех же изданиях. Дружили они и семьями. Понятно, что с отъездом Зайцева за границу их общение прекратилось, оборвалась и переписка. В последнем известном нам кратком письме из Берлина, 18 октября 1922 года, Зайцев сообщал Чулкову о высылаемой ему и его жене немецкой визе и, зная о медицинских показаниях к поездке, все же выражал

²⁰ См.: «Современные записки». 1936. № 62; 1938. № 67; 1939. № 69; 1940. № 70. См. также: Журнал «Современные записки». Париж 1920–1940: Указатель содержания / Сост. А. Я. Лапидус; науч. ред. Б. В. Аверин. СПб., 2004.

²¹ Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 290.

²² Описание последней встречи с Вяч. Ивановым см.: Зайцев Б. К. Далекое. С. 379–381. — Об этом вспоминала и О. А. Шор (О. Дешарт): «В Рим приехал (то было за несколько месяцев до смерти В. И.) Борис Зайцев со своею милою Верой, и состоялось первое и последнее за рубежом свидание старых московских друзей» (I, 327).

надежду на их готовность к эмиграции: «...все-таки здесь жить легче, да, может быть, и выберешься куда-нибудь» в более любопытные края. Обнимаю и заранее приветствую тебя и Надю на немецкой земле»²³. Нам неизвестен ни ответ Чулкова, ни истинные мотивы отказа от выезда, о котором он писал Федору Сологубу: «Я, кажется, не поеду за границу, хотя у меня уже есть берлинская виза и есть основательная надежда на разрешение выехать из России». Он принимает «решение ждать своей участи здесь, в снегах и в сумраке»²⁴. Несколько лет спустя, работая над книгой «Годы странствий» (1930), Чулков, явно с оглядкой на цензуру, вспоминал о друзьях юности:

«Среди них был милый Борис Зайцев, к сожалению, оказавшийся ныне за рубежом. Теперь он эмигрант, и мы друг для друга не существуем. Я не имею теперь понятия о том, что он делает. Но того старого друга, Бориса Зайцева, который никогда никакой политикой не занимался <...> я, конечно, забыть не могу и люблю по-прежнему»²⁵.

Разумеется, гораздо большее место в мемуарах Чулкова, в соответствии со значимостью в жизни и творчестве, занимал Вяч. Иванов. К нему — «почтенному, значительному и ученому писателю»²⁶ Чулков, как и Зайцев, не мог не испытывать пиетета. Завсегдагатай «башенных» собраний, Чулков с благодарностью вспоминал о периоде творческого сотрудничества с Ивановым (начиная с 1904 года), об их духовной близости и о том, что тот откликнулся на его «мистико-анархические мечтания»²⁷, имея в виду книгу «Мистический анархизм» (СПб.: Факелы, 1906), вышедшую с предисловием Вяч. Иванова «Идея неприятия мира».

Не случайно в письме к Зайцеву Иванов досаждает, что «испытал вновь старинную обиду за него (Г. Чулкова. — Л. И.) при чтении некролога (в “Совр. Зап.”), подписанного, к сожалению, Зинаидою Николаевною Гиппиус»²⁸. «Старинная обида» возвращает Иванова к воспоминаниям о резких нападках в печати со стороны Гиппиус²⁹, а также В. Я. Брюсова, Андрея Белого на книгу Чулкова. Об оценке Зинаидой Гиппиус Чулкова в этот период можно судить, в частности, по уничижительным характеристикам в ее письмах к Брюсову, где говорилось о «мистическом чулкизме» «беспомощно-глупого человека». Участие же в «произведении чулковской кухни» Иванова Гиппиус называла «позорноватым»³⁰. И спустя годы, невзирая на трагический повод для выступления в печати, в не-

²³ Зайцев Б. К. Письма. 1901–1922 // Зайцев Б. К. Собр. соч. М., 2001. Т. 10 (доп.). С. 176. Надежда Григорьевна Чулкова (урожд. Степанова, в 1-м браке Петрова, 1874–1961) — жена Г. И. Чулкова.

²⁴ Чулков Г. Откровенные мысли. С. 461.

²⁵ Чулков Г. Годы странствий / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 273.

²⁶ Там же. С. 103.

²⁷ Там же. С. 99.

²⁸ Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 290.

²⁹ Антон Крайний. Иван Александрович неудачник (Г. Чулков. О мистическом анархизме. Вступ. статья В. Иванова о неприятии мира) // Весы. 1906. № 8. С. 48–51.

³⁰ Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Философова с В. Я. Брюсовым (1906–1909) / Публ. М. В. Толмачева, коммент. Т. В. Воронцовой // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 127, 176, 134. См. также: Михайлова М. В. З. Н. Гиппиус и Г. И. Чулков // Зинаида Гиппиус: Новые материалы; Исследования. М., 2002. С. 307–319.

кролологической статье³¹ Гиппиус с тем же безжалостным высокомерием рассуждает о «характерных внутренних свойствах» Чулкова, главный из которых она определила так: «Он обладал редкостным — и счастливым! — даром, который можно назвать даром “самомечтания”», то есть — не подозревал о своих «весьма средних» «литературных и умственных способностях» и отсутствии самостоятельности. О «Годах странствий» автор заметила: «Даже передавая неверные факты, — он не лжет: он верит, что так и было»³². Не исключено, что в нескрывае-мой неприязни автора некролога отражалась и реакция на рассказ Чулкова «Не-навистники» (1924), где неприглядно выведены Мережковский и Гиппиус, а также же на описание в «Годах странствий» атмосферы в «Доме Мурузи» с присущим ей «духом сектантства»³³.

Совсем иные взаимоотношения, далеко переходящие за рамки творческих, деловых, связывали Георгия Чулкова с Вячеславом Ивановым. Откликаясь на весть о кончине «дорогого и незабвенного» друга, Иванов признавался: «Ведь я его *очень любил*»³⁴.

Об их «духовном сближении», сменившемся в дальнейшем сердечной дружбой (в том числе семьями), вспоминали Лидия Иванова в «Книге об отце», сам Чулков в «Годах странствий» и его жена Надежда Григорьевна, взявшая на себя завещанный ей труд — продолжить книгу мужа. Ее воспоминания «Моя жизнь с Г. И. Чулковым и встречи с замечательными людьми» не были завершены и остались в рукописи³⁵. Несмотря на то что наиболее содержательная глава — «Вячеслав Иванов», охватывающая период с 1905 по 1928 год, с рассказами о Башне и ее посетителях, фрагментами из переписки Чулковых и Ивановых³⁶ уже опубликована, нам представляется не лишним привести еще один отрывок из воспоминаний Надежды Григорьевны.

«Глава 8

1910 год³⁷

Осенью 1910 года мы поехали в Италию, где провели около месяца, посетив в Риме Вячеслава Иванова, жившего там с его падчерицей, Верой Шварсалон³⁸.

³¹ Гиппиус З. Н. О счастливости (Г. И. Чулков) // Современные записки. 1939. № 68. С. 462–463.

³² Там же. С. 463.

³³ Чулков Г. Годы странствий. С. 145–148.

³⁴ Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 290.

³⁵ РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 35. № 192.

³⁶ См.: Чулкова Н. Г. «Ты — память смолкнувшего слова...». Из воспоминаний о Георгии Чулкове / Публ. и предисл. Л. Ильониной // Вестник Русского Христианского Движения. Париж; Нью-Йорк; М., 1989. № 157. С. 134–135.

³⁷ Далее публикуется глава из «Воспоминаний» Н. Г. Чулковой: «Нескучное. Петербург. Италия» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 35. № 192. Л. 129–131).

³⁸ Г. Чулков, вспоминая о первом посещении Италии в 1907 г., также рассказывает о встрече в Риме с Ивановым: «Бродить по Риму с таким гидом, как Вячеслав Иванов, воистину великое наслаждение» (Чулков Г. Годы странствий. С. 251). Однако в 1907 г. Ивановы жили в России, на лето уехали в Загорье, куда приглашали и Чулковых. В октябре Иванов телеграммой вызвал Надежду Григорьевну — помочь в уходе за своей тяжело больной женой. Но было поздно: спустя два дня, 17 октября, Л. Д. Зиновьева-Аннибал скончалась. (См.: Чулкова Н. Г. «Ты — память смолкнувшего слова...». С. 134–135).

Из Флоренции Г<еоргий> Ив<анович> написал Вя<чеславу> Ивановичу в Рим. В ответ он пригласил нас приехать в Рим, обещая устроить для нас помещение. К нашему приезду он снял для нас комнату с видом на Форум. Он позвал нас обедать в свою любимую трактирию. За обедом порядочно выпил вина и опьянел. Вера укоризненно смотрела на него, когда он слишком очевидно выявлялся в беседе. Это было 17 октября (с<тарого> стиля) — третья годовщина смерти его жены и матери Веры — Лидии Дмитриевны. Но никто из нас не произнес ее имени за столом. Мне показалось, что Вера держит себя с Вяч<еславом> Ив<анович>ем не как дочь с отчимом, но скорее как товарищ. А у Вяч<еслава> Ив<анович>а вырывались иногда иронические словечки по адресу Веры. Мне было горько и обидно. Мы еще в России слышали о том, что Вяч<еслав> Ив<анович> женится на Вере. Эта пора его жизни отмечена его книгой стихов «Нежная Тайна»³⁹.

Рим мы видели впервые⁴⁰, и хорошо, что не с «бедкером» в руках мы его осматривали: нам показывал его ученый историк и поэт.

Вяч<еслав> Ив<анович> знал Рим великолепно. Знал и любил его. Он знал и современный Рим. Мы осмотрели Рим по его памятникам в разные эпохи его существования: Рим дохристианский, первых веков христианства и далее — средние века, век Возрождения. Мы были в катакомбах, в загородных дворцах императоров и знатных римлян. Были также на вилле Зинаиды Волконской. Между прочим, там, в саду ее виллы есть кусок стены, к которой приклеено множество носов, вероятно, отбитых от статуй или найденных в развалинах. Их много — этих носов — самой разнообразной формы. Я вспомнила, что Гоголь бывал иногда у Волконской здесь, и подумала, что, может быть, это поддало ему мысль написать его рассказ «Нос»⁴¹.

А какие фонтаны в Риме! Их позднее воспел Вяч<еслав> Иванович в своих девяти сонетах, когда в последний раз посетил Рим, покинув родину.

Он прислал нам в Россию эти сонеты как бы на память о наших тогдашних прогулках по Риму⁴².

Колизей и другие развалины заставили нас полюбить Пиранези⁴³, так прекрасно запечатлевшего красоту разрушения. Мы стали покупать его гравюры на память о Риме.

Эти несколько дней, проведенных в Риме, прошли очень быстро. Вяч<еслав> Иванович в день нашего отъезда решил угостить нас в трактирии специально итальян-

³⁹ *Иванов В.* Нежная тайна. СПб., 1912.

⁴⁰ Во время первого итальянского путешествия 1908 г. Чулковы побывали в Милане, Венеции, Флоренции, Болонье, Падуе.

⁴¹ Сведений о подобной стене обнаружить не удалось. В настоящее время на территории виллы З. Н. Волконской находится посольство Великобритании (см.: *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Салон З. А. Волконской как окно в Европу для Пушкина и его друзей // *Россия и Италия: Встреча культур.* Вып. 4. С. 109–165). Н. В. Гоголь впервые приехал в Рим в марте 1837 г., а его повесть «Нос» была опубликована в 1836 г.

⁴² Цикл «Римские сонеты» написан Ивановым осенью 1924 г., вскоре после того, как поэт «в последний раз посетил Рим», но опубликован лишь в 1936 г. (Современные записки. 1936. Кн. 62). Тексты семи сонетов, в числе других стихотворений Иванова, ходивших по Москве в списках, приводит Н. Чулкова в воспоминаниях (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 35. № 192. Л. 211 об.– 220).

⁴³ Пиранези — гравер и архитектор XVIII в. в Италии (примеч. Н. Г. Чулковой).

скими кушаниями, вызвал повара, долго совещался с ним, после чего нам предложили какие-то особые национальные блюда и напитки.

Наконец, распрощавшись с гостеприимным другом нашим, мы направились опять во Флоренцию, в наш маленький отель “Casa Nordini”, где обедают за общим столом несколько скромных путешественников из разных стран, где на ночь греют постели по старинному способу, ставя жаровню с горящими угольями прямо под одеяло; где камин едва согревает комнату в сырую дождливую погоду. Нам нравился этот дом своей стариной и простотой. Но во Флоренции я очень пострадала от москитов.

Через несколько месяцев после нашего возвращения в Россию мы узнали, что Вячеслав Иванович венчался в Риме с Верой⁴⁴».

Сердечная близость, дружба семьями не прекращалась вплоть до отъезда Иванова в Италию. Напоследок судьба свела их в Москве, куда Ивановы приехали в 1913, а Чулковы в 1917 году. Надежда Григорьевна вспоминала:

«Начались грабежи и пьянство <...> Становилось жутко. В Петербурге еще страшнее. Я решила переехать в Москву <...> а к осени вернулся Георгий Иванович в Москву, и мы устроились в собственной квартире, которую любезно предоставила нам наша знакомая домовладелица — вдова фабриканта и городского деятеля — Евдокия Ивановна Лосева. Эта дама — художница и меценатка — была богата и щедро помогала художникам в их нуждах. <...> Евдокия Ивановна Лосева сдала нам маленький флигель на ее усадьбе при ее особняке на Смоленском бульваре, д. 8. Здесь мы с Георгием Ивановичем прожили 22 года, а я живу и доселе, в 1949 году, спустя десять лет после смерти Георгия Ивановича. В этом нашем милом маленьком домике с тремя окнами на Смоленский бульвар столько мы видели у себя людей, приходивших беседовать с Георгием Ивановичем, привлекавшим многих своим живым и отзывчивым характером, увлекательной беседой, своим умом, добротой и гостеприимством. Здесь мы пережили столько ужасов во время революции, столько испытаний, лишений, болезней. Здесь умер наш пятилетний сын и в 1939 году умер и сам Георгий Иванович»⁴⁵.

В главе «20-й год»⁴⁶ Надежда Григорьевна возвращается к семейным трагедиям Ивановых и Чулковых, приводя в воспоминаниях письмо к ней мужа:

«Умерла В. К. Иванова (Шварсалон)⁴⁷. Сегодня я был на ее похоронах в Ново-Девичьем монастыре. Я почему-то плакал, чувствуя, должно быть, как все мы близки к смерти <...>

От Вячеслава Ивановича, который только что похоронил жену, было получено письмо:

⁴⁴ Венчание состоялось летом 1913 г., в Ливорно. Обряд совершал тот же священник, что венчал В. Иванова и Л. Д. Зиновьеву-Аннибал (*Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце. С. 52).

⁴⁵ РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 35. № 192. Л. 171–172.

⁴⁶ Там же. Л. 181.

⁴⁷ Вера Константиновна Иванова (урожд. Шварсалон) скончалась 8 августа 1920 г.

Кисловодск, 27. X-1920.

Дорогой и старый друг Георгий!

Бросаю на тебя взгляд сораспятого и плачу о Тебе, о вас, с вами. Известие пронзило меня. Многим в жизни бывали мы сближены; общаемся ныне страшную часей. Вместе втроем исповедуем: “Но не моя да будет воля, а Твоя”.

Вячеслав Иванов⁴⁸.

Летом 1924 года Чулков с тяжелым сердцем проводил Иванова в Италию, понимая, что это конец всяческому общению. 7 января 1925 года, сообщая В. А. Меркурьевой римский адрес Вяч. Иванова, Чулков так объяснял свое молчание: «Я с ним не переписываюсь по понятным причинам, хотя все, казалось бы, меня к этому нудит»⁴⁹. Лишь спустя три года, 14/27 января 1928 года, Чулков и сам воспользовался этим адресом:

«Дорогой Вячеслав Иванович! Как странно, что мы не пишем друг другу так долго! А ведь так мало осталось старых друзей. Иные стали чужими за рубежом, иные ушли, — как Блок и Сологуб — “стеною бледной на дальний огонек”... И сам я — чувствую — “на роковой стою очереди”⁵⁰...

Как ты живешь? К чему бы ни склонялась твоя душа, уверен я, что она — по-прежнему — как лира Орфея, и потому всем нужна, а мне, твоему неизменному поклоннику, особенно. Я не утратил надежды увидеть тебя. В моих руках оказались списки пяти твоих стихотворений, из коих “Собаки” и “Палинодия” потрясли мое сердце.

“Палинодия” <в оригинале по-гречески> переписана рукою Надежды Григорьевны многократно, и она вручает это стихотворение друзьям — даже тем, кто глух к поэзии, в надежде, что эта песня пробудит сонных.

Мы по-прежнему живем в нашем маленьком домике. Напоминаю тебе на всякий случай мой адрес: Смоленский бульвар, 8, кв. 2. Я по-прежнему страдаю от недугов: худо дышу, ужасно кашляю, — в ноябре чуть не умер: было воспаление легких и шла горлом кровью. Но я живуч.

Позволь тебе, как моему мэтру, дать отчет о моих “днях и трудах”<...>».

Приводя далее перечень своих литературных работ, Чулков писал:

«В списке моих “трудо” — я забыл — имеется еще нечто, чем я горжусь: *curriculum vitae* Вячеслава Иванова. Сия записка была подана при квалификации тебя по категории А в ЦЕКУБУ в тот год, когда назначалось тебе академическое обеспечение. Мне легко было доказать, что твоим деятельностью как ученого и поэта имеет всемирное значение. Таково было задание, мне официально предложенное <...>»⁵¹.

⁴⁸ Письмо является откликом на юнчину от менингита 21 сентября 1920 г. пятилетнего сына Чулковых Владимира. Среди других писем-соболезнований Н. Г. Чулкова приводит и письмо Б. К. Зайцева от 28 сентября 1920 г. (опубл.: *Зайцев Б. К.* Собр. соч. Т. 10 (доп.). С. 165).

⁴⁹ *Иванова Л. Н.* Вячеслав Иванов: Неотправленное письмо // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М., 2003. С. 263.

⁵⁰ А. А. Блок скончался 7 августа 1921 г., Ф. Сологуб — 5 декабря 1927 г. Чулков приводит цитаты из стихотворений Вяч. Иванова «Собаки» (1927) и Ф. И. Тютчева «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (1870), посвященного памяти горячо любимого брата, Н. И. Тютчева.

⁵¹ РАИ. Оп. 3. № 204. Л. 1–2 об.

В ответном письме Иванов выражает признательность другу:

«Твой, пусть преувеличенно, и даже сверх меры хвалебный (здесь цель, думается, оправдывает средство!), отзыв о моей (хромой на обе ноги) “деятельности”, существенно решил дело в ЦЕКУБУ в мою пользу; а ведь в итоге этого доброго для меня дела (хоть ты и покривил ради него душою) меня с детьми до сих пор кормят в нашем добровольном изгнании. Этого доказательства истинной дружбы твоей и дети мои никогда не забудут»⁵².

В своем письме Чулков сообщил об интересе к стихам Иванова, ходящим в списках по Москве, в редакции журнала «Красная новь», чем вызвал его немалое беспокойство и бурную переписку с О. А. Шор⁵³. Еще будучи в Москве, Шор, пожалуй, более, чем кто-либо, хлопотала об «академическом обеспечении» Иванова, а приехав осенью 1927 года в Рим, приняла на себя многие другие заботы о его семье и постепенно словно заменила поэту многих оставленных в России друзей. Не случайно в оценке ориентации «Красной нови» Иванов доверился не Чулкову, а О. Шор, которая подсказывала в письме от 10 февраля 1928 года: «Имя Чулкова в данном случае, простите мне, — не порука; он способен не до конца учесть ситуацию, несмотря на всю его любовь к Вам, не сообразить, в какой мере *ответственно* такое выступление»⁵⁴. Получив исчерпывающую информацию о журнале, Иванов ответил редакции дипломатическим отказом, а Чулкова в письме от 30 марта 1928 года укорил за то, что тот «сватал» его с журналом⁵⁵.

Несомненно, Чулков действовал из самых дружеских побуждений (не исключено, что именно эта «миссия» служила в его глазах легальным поводом для письма за границу). Не ощущая перемен в настроении Иванова, обрадованный успехом в Москве его последних стихов, Чулков, поддерживая инициативу его выступления в советской печати, надеялся еще и таким образом помочь «оправдать» получение им стипендии. Во втором (и последнем известном нам) письме, от 21 мая 1928 года, Чулков выражает искреннее огорчение укором друга за «сватание» с журналом, называет это недоразумением, но, разумеется, не может быть откровенным и наивно обещает: «...дам разъяснения при свидании»⁵⁶. Вскоре Чулкову удалось переслать в Рим свою статью «Последнее слово Достоевского о Белинском» с надписью: «Дорогому другу Вячеславу Иванову с любовью Георгий Чулков. 1930»⁵⁷.

⁵² Чулкова Н. Г. «Ты — память смолкнувшего слова...». С. 149. — Кроме того, Г. Чулков, наряду с Ал. Н. Чеботаревской и И. М. Дегтяревским, немало хлопотал о сохранности имущества, архива и библиотеки, оставленных Ивановым в Москве.

⁵³ См.: Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор / Публ. А. А. Кондюриной, Л. Н. Ивановой, Д. Рици и А. Б. Шишкина // Русско-итальянский архив. III. Вячеслав Иванов: Новые материалы. Салерно, 2001. С. 276–293.

⁵⁴ Там же. С. 278.

⁵⁵ Чулкова Н. Г. «Ты — память смолкнувшего слова...». С. 148–149.

⁵⁶ РАИ. Оп. 3. № 204. Л. 3.

⁵⁷ Статья Чулкова, находящаяся в библиотеке Вяч. Иванова в Риме, опубликована в сб.: Достоевский. М., 1928. Вып. 3. С. 61–81.

Происходило естественное отдаление когда-то близких людей, что было продиктовано и новыми условиями образовавшейся изоляции. В частности, в этот период Вячеслав Иванов в своих письмах в Россию должен был поддерживать версию о временной командировке, дабы сохранить то самое «академическое обеспечение». Видимо, не случайно он не касается в письме к Чулкову проблем, более всего его волнующих, — связанных с «закреплением» в Италии, с устройством будущего своих детей. Возможно, отчасти из-за этих предосторожностей, а также желая по-настоящему и как можно скорее вступить в «другую жизнь», Иванов почти не прикладывал усилий для продолжения прежних сердечных связей с оставшимися в Советской России.